ИЗВЕСТИЯ РАН. СЕРИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ, 2021, том 85, № 1, с. 24–38

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 911.375

ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ: ПРИГОРОДЫ ВЫИГРЫВАЮТ У СТОЛИЦ

© 2021 г. Л. Б. Карачурина[a], *, Н. В. Мкртчян[a]

[a] Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва, Россия

*e-mail: lkarachurina@hse.ru

Поступила в редакцию 17.01.2020 г.
После доработки 12.03.2020 г.
Принята к публикации 30.10.2020 г.

Внутрирегиональная миграция в современной России играет важнейшую роль в реализации жизненных планов людей, способствует изменению конфигурации пространства. Каждое второе регистрируемое переселение внутри России происходит в пределах субъектов Федерации. Однако помимо общих масштабов и роли в изменении численности населения отдельных муниципальных образований о внутрирегиональной миграции не известно ничего. Собранная авторами статистическая информация о долговременной внутрирегиональной миграции по 1265 муниципальным образованиям 39 субъектов РФ (51.4% населения страны) за 2017 г. позволила сформировать по каждому региону матрицы прибытий, выбытий и нетто-миграции. Это дало возможность анализировать потоки и перераспределение населения во внутрирегиональных перемещениях между региональными центрами, пригородными муниципальными образованиями и региональной периферией. Анализ выявил, что количественные параметры перетока населения между центрами, их пригородами и другими муниципальными образованиями во всей внутрирегиональной миграции примерно соответствуют их доле в населении, все классы муниципальных образований вовлечены в миграцию в равной мере. Между региональными центрами и их пригородами существует интенсивный миграционный обмен. Центры не только уступают пригородам в показателях интенсивности миграционного прироста, 80% центров теряют население в миграционном обмене с собственными пригородами. В целом перераспределение населения в рамках внутрирегиональной миграции почти во всех изученных субъектах РФ способствует усилению концентрации населения в агломерационной зоне, формируемой региональными центрами и их пригородами. В отдельных субъектах еще одной зоной стягивания населения, как правило значительно меньшего размера, являются субцентры, представленные крупными городами на значительном удалении от регионального центра. Они формируют собственные зоны миграционного тяготения из ближайших периферийных муниципальных образований. В большинстве случаев эта миграция позволяет субцентрам лишь компенсировать миграционный отток в другие регионы страны или в центр своего региона.

Ключевые слова: сельско-городская миграция, периферия, региональные центры, пригороды, направления миграции, пристоличные территории, муниципальные образования

DOI: 10.31857/S2587556621010076

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА И ИЗУЧЕННОСТЬ

Внутрирегиональная миграция в советское время выполняла наиважнейшую функцию как для людей, так и для государства. В первом случае мы говорим о наименее затратных[1] возможностях людей переселяться, как правило перемещаясь из села в города своих регионов, улучшать качество своей жизни, реализовывать желание менять место жительства. К концу XIX в. Россия была сельской страной, хотя и с весьма распространенным отходничеством [19]. Поэтому в советское время роль миграции в изменении конфигурации пространства, в жизни каждого отдельного человека и миллионов семей невозможно переоценить. Почти все новоселы городов в 1926 г. приехали из села, к 1970 г. сельских мигрантов была примерно половина, к 1979 г. уже около двух третей составляли межгородские мигранты [13, с. 58]. В целом с 1926 по 1970 г. миграционный прирост городского населения СССР составил почти 60 млн человек из 105 млн общего прироста[2]. Несмотря на то, что значительная часть переселений совершалась на дальние расстояния, около половины из них происходило внутри регионов: из отдаленных сел переезжали в центральные усадьбы, райцентры, из райцентров – в региональные центры. Такая

[1] Если отойти от классической экономической теории миграции, под затратами понимается минимизация издержек перемещения, встраивания в новый социум, возможность/невозможность сохранения социальных связей и т.п.

[2] См. Население СССР. Справочник / под общ. ред. Л.М. Володарского. М.: Политиздат, 1983. С. 31.

миграция, во-первых, отвечала логике урбанизации, во-вторых, логике доминирования локальных (коротких) переселений над межрегиональными (длинными), замеченной еще E. Ravenstein [50]. "Миграция из сел в города является одним из главных каналов социально-профессионального продвижения сельских жителей, открывающих путь к приобретению квалифицированных специальностей, овладению наиболее сложными видами труда, занятию более высокого социального положения. Она способствует... выравниванию возможностей продвижения лиц, родившихся в городах или в сельской местности", – писала Т.И. Заславская, характеризуя главные особенности миграции в послевоенном СССР [28, с. 52–53].

Важной частью сельско-городской миграции, и в первую очередь это касалось внутрирегиональной ее составляющей, всегда были переселения молодежи, уезжавшей в города для послешкольного обучения и на работу. Анализ, выполненный для Новосибирской области, показал, что из лиц, родившихся в довоенные годы и достигших в селе 15 лет, к 20-летнему возрасту там оставалось больше 52%, в поколениях 1946–1950 гг. рождений – уже только 40.2% [28, с. 110]. При этом из всех потенциальных сельских мигрантов 16–24 лет 57.6% собирались переселяться в крупный или средний город [28, с. 127], в большинстве случаев это были города своих регионов. Ж.А. Зайончковская на основании анализа переписей населения России 1959, 1970 и 1979 гг. оценивает отток молодежи из сельской местности РСФСР более чем в 50% в интервале от 15 до 24 лет [13, с. 102–103].

В современных условиях миграция молодежи едва ли не повсеместно направлена из внутрирегиональной периферии в региональные столицы [30]. В обратном направлении зачастую переселяются семьи с детьми, люди старших возрастов, но после молодежного пика миграция всегда была и сейчас остается менее интенсивной [17], и такая картина характерна и для развитых стран [45, 48, 49]. Начиная движение по своей жизненной орбите, молодежь демонстрирует высокий уровень пространственной мобильности и в межрегиональной миграции. Однако число и мощность барьеров, стоящих на пути межрегиональных мигрантов (молодых и более старших возрастов), представляются более высокими, чем на пути внутрирегиональных мигрантов. В качестве таких дополнительных барьеров описываются: информационные (худшее понимание ситуации на отдаленных территориях по сравнению с более близкими) [11], административно-институциональные (необходимость регистрации, прикрепления к учреждениям здравоохранения, образования в новом месте проживания) [14]; социально-психологические – необходимость построения новых социальных связей и социального окружения[3] и отрыва от привычной среды [22, 36, 51]; природно-климатические; необходимость более высоких начальных затрат на обустройство, дорогу и переезд. Специфическим барьером выступает также качество полученного образования и возможности его применения вне территориально близких условий. Исследование V. Venhorst с соавторами [53] для Нидерландов показало, что в поисках работы выпускники колледжей преодолевают меньшие расстояния, чем выпускники университетов. Исследователи предполагают, что условия местных рынков труда способны лучше удерживать выпускников, обладающих более низким уровнем образования.

В целом преодоление этих барьеров проще при переселении на сравнительно короткие расстояния. Вместе с тем переезд в пределах региона далеко не всегда позволяет реализовать цели, которые ставит перед собой переселенец. Вероятно, в случае дихотомии внутри- или межрегиональной миграции действует своеобразный "естественный отбор"[4], когда наиболее предприимчивые, образованные и здоровые уезжают дальше.

Однако было бы неверно рассматривать современную внутрирегиональную миграцию только как поток из сел в города: чем сложнее устроена региональная система расселения и дифференцированнее социально-экономические условия, тем неоднозначнее предстает система направлений миграции. В последние годы внимание исследователей привлекают пригороды, их аттрактивность для разных категорий мигрантов. Анализ мобильности между центрами, пригородами и внутрирегиональной периферией только начинается в России [3, 32], но давно стал важной темой зарубежных исследований. Впрочем и в России вполне традиционный сельско-городской сюжет в изучении миграции (а он характерен в первую очередь именно для внутрирегиональных перемещений), рассмотренный в 1970–80-е годы Т.И. Заславской [28], В.И. Переведенцевым [35], А.И. Игудиной и Г.В. Иоффе [15], Л.В. Корель [20], Л.П. Фуксом [42], А.И. Алексеевым [1], Ж.А. Зайончковской [13] и некоторыми другими исследователями, в последние десятилетия вытесняется попытками представления миграции как сложного процесса, связывающего поселения разного уровня иерархии. Одно из таких исследований [31] показало, что в современной сельско-городской миграции дифференциация между миграционными балансами пригородов, региональных центров и периферийных террито-

[3] При этом И.Б. Бритвина и М.В. Киблицкая на материалах своего исследования в Курганской области прямо указывают на то, что "процесс адаптации происходит легче у тех переселенок, которые учились здесь (часто приезжали) или долго жили в Шадринске" [4, с. 143].

[4] Термин, примененный впервые А.И. Алексеевым для описания сельских территориальных общностей Центральной России [2, с. 53] и, по нашему мнению, емко описывающий также глубинные различия между внутри- и межрегиональной миграцией.

Рис. 1. Регионы, данные о внутрирегиональной миграции в которых использованы в статье.
Примечание: без учета отдельных территорий Новосибирской области и Красноярского края, упомянутых в тексте.

рий является более выраженной, чем зональные (природные) различия. Внутрирегиональная миграция рассматривается как одна из составляющих усложняющейся мобильности населения [27], в контексте пульсирующей маятниковой миграции [25, 26].

Исследования на региональном уровне обычно ограничиваются описанием данных о соотношении внутри- и межрегиональной (иногда и международной) миграции в миграционном балансе отдельных территорий, выделением групп муниципальных образований по доле внутрирегиональной миграции или значениям коэффициентов внутрирегиональной нетто-миграции (например, для Башкортостана [6], Якутии [38, 39], Калмыкии [44], Курской области [21], Хабаровского [34] и Алтайского [37] краев и др.), реже – в историческом [5] или расселенческом контексте [10, 12, 41, 43, 47]. Особый интерес представляет исследование интенсивности миграционных связей муниципальных образований Алтайского края, выполненное Е.В. Тарасовой [40] на до этого не использовавшихся данных матриц внутрирегиональной (межрайонной) миграции. Анализ показал, что для всех муниципальных образований Алтайского края характерны преимущественно соседские миграции, т.е. переселения осуществляются между граничащими районами и городскими округами. Однако они несимметричны: у большинства муниципальных образований число территорий выхода мигрантов и территорий вселения во внутрикраевом обмене неоди-наково.

Иных работ, пытающихся представить внутрирегиональную миграцию комплексно, не с позиций отдельных потоков (село–город, город–город и т.п.) и одновременно показывающих внутреннюю связность пространства регионов, мы не обнаружили. Поэтому цель данного исследования – анализ перераспределения населения, между крупными частями регионов России: столицами, их пригородами и периферией, в которой выделяются субцентры, способные конкурировать со столицей в результате внутрирегиональной миграции.

ДАННЫЕ И МЕТОДЫ

В исследовании используются данные о долговременной[5] внутрирегиональной миграции за

[5] Росстат текущим учетом миграции фиксирует долговременную миграцию, или перемещения со сменой места жительства навсегда или на длительное время. С 2011 г. учету подлежат все перемещения, связанные с переменой места жительства и сопровождающиеся регистрацией по месту жительства или по месту пребывания на срок девять месяцев и более. Согласно положениям Росстата вне учета находится передвижение лиц, переехавших из одного сельского населенного пункта в другой сельский населенный пункт в пределах административного района или сменивших место жительства в пределах одного и того же населенного пункта (за исключением передвижений внутри городов, имеющих районное деление) (Методологические положения по статистике. Вып. 1. М.: Росстат, 1996. Раздел 2.1. https://gks.ru/bgd/free/B99_10/IssWWW.exe/Stg/d000/i000030r.htm (дата обращения 16.03.2020)). Однако, как показывает практика, внутригородская миграция учитывается не повсеместно (например, до появления Новой Москвы этого вообще не было в Москве и сейчас, по всей видимости, представлено только выборочно, но учитывается в Санкт-Петербурге). Исходя из имеющихся данных, можем предполагать, что в 2017 г. во внутрирайонной миграции учитывались переселения между отдельными сельскими поселениями, имеющими статус муниципального образования, а также отдельными населенными пунктами, входящими в городской округ. При этом непонятно, какая миграция учитывалась, например, в пределах городских округов, состоящих из одного (единственного) населенного пункта (г. Балашиха, г. Долгопрудный и т.п.).

Таблица 1. Фрагмент матрицы внутрирегиональной миграции по Республике Коми, прибытия, 2017 г.

Территория выбытия	Территория прибытия							
	МО Республики Коми, всего	Ижемский МР	Княжпогостский МР	Койгородский МР	Корткеросский МР	⟨...⟩	Усинск ГО	Ухта ГО
МО Республики Коми, всего	**18845**	**457**	**379**	**330**	**1076**		**478**	**2283**
Ижемский МР	**541**	106	3	1	7		12	107
Княжпогостский МР	**590**	1	70	5	10		3	134
Койгородский МР	**398**	0	2	122	8		8	5
Корткеросский МР	**1183**	5	4	11	387		9	16
⟨...⟩								
ГО Усинск	**496**	10	3	1	14		66	75
ГО Ухта	**2044**	87	72	9	10		62	456

Примечание. Заливкой выделены ячейки с данными по внутрирайонной (внутриокружной) миграции.
Источник: Комистат, данные, предоставленные по запросу.

2017 г.[6] (статистическая форма t_pt2n – “Внутрирегиональная миграция населения по территориям прибытия и выбытия”), полученные по запросам в территориальные органы Росстата. Запросы были направлены почти во все территориальные органы, в результате были получены данные из 39 регионов. Кроме того, по двум регионам получены данные не по всем муниципальным районам и городским округам (по Новосибирской области – по г. Новосибирску, Новосибирскому муниципальному району, г. Бердску; по Красноярскому краю – по г. Красноярску и территориям края, принадлежащим к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям).

В результате в работе использованы данные о внутрирегиональной миграции по 1265 муниципальным районам и городским округам России, или 53.8% от их общего числа. В них проживало немногим более половины – 51.4% жителей России (на начало 2017 г.). Отсутствовали данные по многим ЗАТО, входящим в состав данных регионов, и их не всегда удавалось рассчитать. В итоге в исследовании в большей мере представлены регионы европейской части страны (рис. 1). Полагаем, однако, что получившийся перечень регионов достаточно репрезентативен для всей России, так как он охватывает все части страны и практически все типы регионов по уровню социально-экономического развития, особенностям расселения и т.п. базовым характеристикам.

[6] Данные за 2016 г. были предоставлены не по всем регионам, кроме того, первичные данные содержали необъяснимые несоответствия в размерах внутрирайонной (внутриокружной) миграции: в большинстве регионов число прибывших не соответствовало числу выбывших. При этом они балансировались по региону в целом, а общее число прибывших и выбывших соответствовало данным, размещенным в Базе данных показателей муниципальных образований (БДПМО) за соответствующий год.

На основе данных, полученных от территориальных органов Росстата, по каждому региону были сформированы матрицы прибытий, выбытий и нетто-миграции населения размерностью, соответствующей числу муниципальных образований (МО) ранга городского округа (ГО), муниципального района (МР) в каждом регионе. Например, для Республики Коми матрицы имели размерность 20 × 20 (табл. 1) и характеризовали 380 миграционных связей между ними, еще 20 ячеек матрицы содержали информацию о миграции внутри муниципальных районов/городских округов. По Алтайскому краю матрица имела размерность 69 × 69 и описывала 4692 двусторонние связи между МО региона и 69 ячеек с информацией о миграции в пределах МО.

Анализируя данные о внутрирегиональной миграции, необходимо учитывать и особенности муниципального территориального деления России, прежде всего произвольное формирование городских округов [7, 8]. В частности, во многих регионах бóльшая часть городских округов выделяются из состава района, в других же изучаемых регионах есть городские округа (иногда их много), сформированные на месте муниципальных районов. Чтобы добиться сопоставимости регионов при сравнении доли внутрирайонной (внутриокружной) миграции, городские округа в аналитических целях были объединены с одноименными муниципальными районами (ГО г. Моршанск с Моршанским МР, Тамбовская область) (табл. 2).

Поскольку целью исследования является оценка перераспределения населения между различными типами МО, для анализа использовались в основном абсолютные параметры внутрирегиональной миграции. На основании сформированных по каждому региону матриц рассчитывались агрегированные показатели нетто-миграции (в

Таблица 2. Распределение долговременных внутрироссийских мигрантов по направлениям переселений, миграционный оборот, 2017 г., %

Номер строки	Вид миграции	Внутрироссийская миграция, всего	в том числе внутрирегиональная миграция
1	Миграция в пределах МО	7.8	14.8
2	Миграция в пределах МО, если городские округа объединяются с их одноименными районами	9.8	18.6
3	Миграция, затрагивающая региональные столицы и их пригороды	17.3	32.8
4	в/из столицы, всего	13.2	25.0
5	в/из пригорода, всего	4.1	7.8
6	только между столицами и пригородами, всего	5.6	10.6
7	Миграция в/из других МО	27.6	52.4
8	Миграция в/из другого региона	47.3	–
9	Итого (строки 1, 3, 7, 8)	100.0	100.0

Источник: расчеты авторов на основе данных, полученных из территориальных органов Росстата, 38 регионов РФ (без учета МО Московской области, Новосибирской области и Красноярского края).

отдельных указанных случаях – миграционного оборота) во внутрирегиональной миграции для региональных центров, пригородных МО, региональной периферии и крупных субцентров. Основные методические сложности на этом этапе связаны с отнесением того или иного МО к одному из вышеназванных классов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Общие итоги внутрирегионального перераспределения населения между муниципальными образованиями разных типов

В 2017 г. внутрирегиональная миграция составила 47.3% всех учтенных переселений в пределах России в исследуемых 39 регионах. Миграция в пределах МР и ГО, с учетом объединения ГО с одноименными МР, составила 9.8% всех внутристрановых переселений, или 18.6% всей внутрирегиональной миграции. Вычленение такого типа миграции имеет значение, например, для межстрановых сопоставлений, когда внутрироссийская миграция на уровне МО сравнивается с миграцией между соответствующими территориями других стран [18]: для более корректного сопоставления эти перемещения не должны рассматриваться.

Самыми крупными по численности жителей МО в каждом регионе являются региональные столицы, также мы выделяем пристоличные (пригородные) МО. Пригороды мы определяем по критерию ближайшего соседства с региональным центром, это может быть одно МО или несколько, почти все они имеют миграционный прирост населения, многие по интенсивности нетто-прироста опережают свои региональные центры[7]. Столица и ее пригороды вместе образуют Центр, притягивающий мигрантов из всех остальных МО данного региона. Согласно нашим расчетам, доля региональных столиц в населении рассматриваемых регионов составляла на начало 2017 г. в среднем 32.2%, их пригородов – 5.8% от общей численности населения данного региона. Примерно таков же, что и в населении, их удельный вес во внутрирегиональном миграционном обороте – 32.8% от всей миграции (см. табл. 2) и 38.5% от всей миграции без учета внутрирайонной и внутриокружной. На миграцию между всеми остальными МО приходится соответственно 52.4 и 61.5%. Таким образом, никаких особенно интенсивных переселений между региональными столицами и их пригородами и остальными территориями регионов (внутрирегиональной периферией) не происходит, а стягивание населения в центры определяет высокая результативность миграционных связей между ними и другими территориями регионов, т.е. преобладание прибытий над выбытиями.

Почти половина (45.7%) прибывших в региональные столицы – выходцы из территорий внутрирегиональной периферии, 45% – из других регионов, соответственно чуть больше 9% мигрантов перемещаются из пригородов.

Из региональных столиц выбывают чаще всего в другие регионы или собственные пригороды. Для пригородов очень большую роль (45% всех перемещений) играет миграция из региональных столиц, в региональные столицы так же выбывают 42% выбывающих из пригородов. Миграция с территориями внутрирегиональной периферии и с другими регионами для пригородов играет су-

[7] Подробнее методику выделения см. [32, 33].

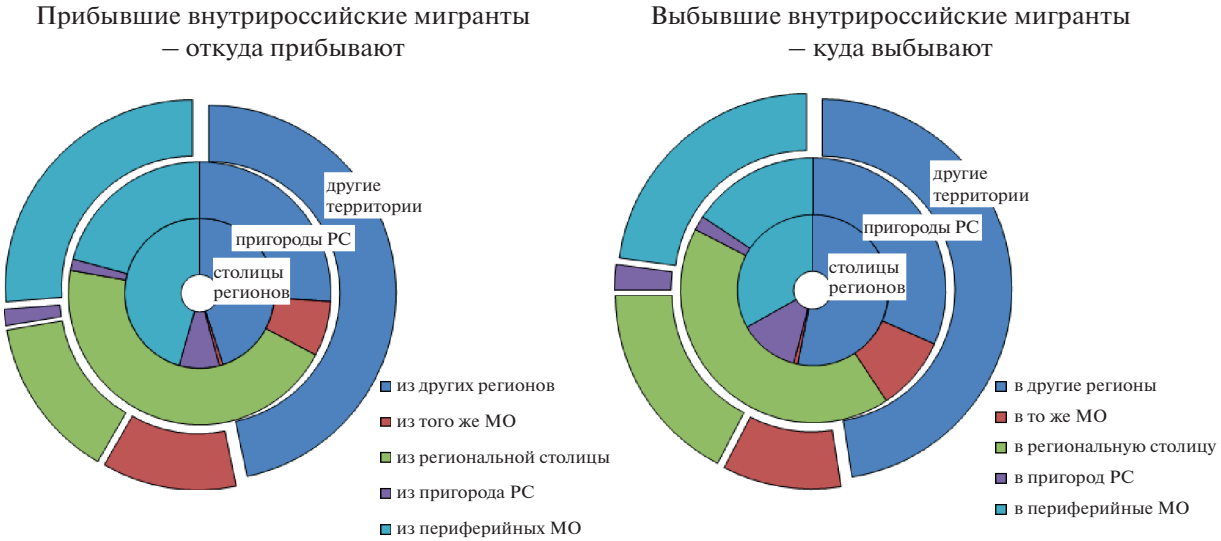

Рис. 2. Распределение прибытий и выбытий для территорий разных типов по основным направлениям, вся внутрироссийская миграция, 2017 г., %.
Источник: расчеты авторов на основе данных, полученных из территориальных органов Росстата, 38 регионов РФ (без учета МО Московской области, Новосибирской области и Красноярского края).

щественно меньшую роль (рис. 2). Территории внутрирегиональной периферии в равной мере вовлечены в миграцию как со своими центрами и их пригородами, так и с другими регионами, при этом выбывают в свои центры чаще, чем принимают мигрантов из них.

Таким образом, мы получили подтверждение об интенсивном миграционном обмене между столицами и их пригородами как территориями, являющимися ближайшими соседями, а также о равной вовлеченности их жителей, наряду с жителями периферийных территорий, во внутрирегиональную и межрегиональную миграцию. Это означает, что если жители периферии решаются на переезд, то фактор расстояния, на которое оно переезжают (относительно близкое – в рамках внутрирегиональной миграции или дальнее – в рамках межрегионального переселения), перестает играть преферентную роль.

Баланс миграции в региональных центрах

Необходимо понимать, что не все региональные столицы имеют прирост во внутрироссийской и даже во внутрирегиональной миграции. Если рассматривать баланс миграции наиболее крупных региональных столиц (табл. 3), с населением более 1 млн человек или немного не достигающих этого порога, видно, что все они испытывают отток населения в собственные пригороды. В большинстве регионов он перекрывается притоком из территорий внутрирегиональной периферии, что и обеспечивает в столицах общий положительный баланс внутрирегиональной миграции. Но, например, Самара не имела и этой миграционной подпитки за счет собственной периферии. И это несмотря на то, что она, наряду с 700-тысячным Тольятти, является одним из центров одной из крупнейших в России по числу жителей двухъядерной агломерации. Отток населения идет не только в пригороды, но и в расположенный за их пределами Краснояружский МР, и даже в Кинель.

Происходит ли перераспределение населения в пределах территорий, отнесенных к пригородам?

Логика сложившихся региональных систем расселения и применяемая методика вычленения пригородных МО при отсутствии статистических данных по более низкому, чем муниципальные районы и городские округа, уровню иерархии не позволяют анализировать миграции внутри пригородов, так как в большинстве регионов пригородный пояс формируется всего одним МО. Однако можно попытаться ответить на данный вопрос путем рассмотрения миграции между МО Московской области, являющейся в своем роде “всероссийским” пригородом. Классификация МО Московской области по степени удаленности их центров от Московской кольцевой автодороги (МКАД) показывает стягивание населения в МО, расположенные наиболее близко к Москве (табл. 4). Однако масштабы этого перетока невелики, они существенно меньше того, что получает ближайший к столице пояс МО за счет притока из других регионов страны, в том числе, по всей вероятности, и из столицы. Согласно нашим расчетам, за счет межрегиональной миграции в 2012–2017 гг. территории Московской области, уда-

Таблица 3. Составляющие нетто-миграции населения крупнейших региональных столиц во внутрироссийской миграции, 2017 г., тыс. человек

Город	Всего	в том числе за счет миграции:			
		с другими регионами России	внутри-региональной	из нее миграция:	
				с пристоличными территориями	с остальными МО
Краснодар	11.0	7.3	3.8	–0.4	4.2
Казань	3.5	1.8	1.7	–3.0	4.6
Пермь	2.6	–1.4	4.0	–1.1	5.1
Уфа	1.6	–0.9	2.5	–2.6	5.1
Саратов	1.3	–2.1	3.4	–0.5	3.9
Красноярск	0.9	–1.0	1.9	–1.4	3.2
Челябинск	0.4	–2.2	2.5	–0.9	3.4
Новосибирск	0.3	1.6	–1.3	–2.3	1.0
Самара	–5.2	–2.2	–3.1	–3.1	0.1
Омск	–5.8	–7.7	1.8	–0.2	2.0
Итого	10.5	–6.7	17.2	–15.5	32.7

Таблица 4. Перераспределение населения между зонами* Московской области, разноудаленными от МКАД, 2016–2017 гг., тыс. человек**

Всего	Всего	Нетто-миграция для зоны, удаленной от МКАД, км:			
		0–30	31–60	61–100	свыше 100
	0.0	11.5	–0.5	–7.4	–3.6
В миграции с зоной, удаленной от МКАД, км:					
0–30	–11.5	0.0	–3.3	–5.8	–2.4
31–60	0.5	3.3	0.0	–2.0	–0.8
61–100	7.4	5.8	2.0	0.0	–0.5
Свыше 100	3.6	2.4	0.8	0.5	0.0

Примечание. * Зоны представляют группы МО, административные центры которых удалены от МКАД на соответствующее расстояние в км; ** без данных по ЗАТО Власиха, Юбилейный, Звездный городок.
Источник: Мособлстат, данные, предоставленные по запросу.

ленные менее чем на 30 км от МКАД, имели среднегодовой миграционный прирост населения за счет миграции с другими регионами страны в среднем в 64.7 тыс. человек в год.

В то же время, как показали расчеты, перераспределение населения между отдельными частями Московской области (севером, югом, западом и востоком), между отдельными лучами, расходящимися от столицы, практически отсутствует. Люди из Одинцово в Мытищи или Ногинск почти не переезжают. Получается, что регион без центра, каким по факту является Московская область, в миграции весь замкнут на Москву и слабо связан потоками миграции внутри себя, т.е. между МО. Возможно, в других пригородах также нет перетока населения между отдельными их частями, но статистически подтвердить это пока невозможно.

Связи региональных центров и пригородов

За немногими исключениями, наиболее привлекательны во внутрироссийской миграции пригороды региональных столиц. В целом их миграционный прирост, формируемый в основном за счет внутрирегиональной миграции, по интенсивности (т.е. в расчете на 1000 человек населения) превосходит прирост населения центров регионов [33]. С осторожностью констатируем, что, по-видимому, мы наблюдаем сейчас складывание новой для России тенденции – формирование устойчивого миграционного прироста пригородов за счет миграции с собственными региональными столицами. По аналогии с развитыми странами, этот тренд можно было бы приписать нарождающейся в России субурбанизации, однако однозначных статистических оснований для таких выводов нет, а полевые наблюдения свидетельствуют, как минимум, о равном весе много-

этажной и малоэтажной застройки в расплывающихся вокруг региональных центров пригородах, и значит о классической субурбии, массовой "одноэтажной Америке" в российских регионах говорить вряд ли возможно. Не выявляет такую классическую субурбанизационную историю и анализ покупателей недвижимости в Московской области [23, 24]. В некоторых республиках пригородные зоны, хотя и застраиваются малоэтажным жильем, но без городской инфраструктуры [3]. Это, скорее, анти-субурбанизация по отношению к той логике развития, улучшения качества жизни и создания однородной комфортной среды, которая заложена в идеях классической субурбанизации [46, 52].

Данные по внутрирегиональной миграции позволяют анализировать потоки между региональными столицами и их пригородами. Мы использовали информацию за 2017 г. по всему 41 рассматриваемому региону, однако у Калужской и Тульской областей, а также Ямало-Ненецкого АО выделить пригородные зоны не удалось. Данные по остальным 38 регионам показывают, что 80% региональных столиц теряли население в миграционном обмене с собственными пригородами. Наибольший по абсолютным масштабам переток населения в пользу пригородов отмечен в Самарской, Новосибирской областях, республиках Татарстан и Башкортостан, Красноярском крае, т.е. в регионах с очень крупными по численности населения региональными центрами и большими пригородными зонами. В то же время отток, например, из Омска невелик.

Статистически переток в пользу пригородов мог бы быть больше, но ряд региональных столиц (Владимир, Тюмень, Тула) прирастили свою территорию за счет ближайших пригородов, а такие, как Барнаул, Краснодар, Калуга, имеют в составе городского округа большое количество сельских населенных пунктов, которые не относятся к пригородным МО и по ним нет данных для отдельного анализа их миграционного баланса.

Миграционная убыль населения 38 региональных центров со своими пригородами в 2017 г. (рис. 3) составила 22.2 тыс. человек (подобный расчет за 2016 г. по неполному перечню регионов показал схожие результаты). Но в целом по стране миграционный баланс пригородов во многом зависит от размера перетока населения в крупнейших городских агломерациях. Данные о межрегиональной миграции показывают, что отток населения из Санкт-Петербурга в 2018 г. в Ленинградскую область составил 10.7 тыс. человек, а за 2011–2018 гг. – 20.6 тыс. Согласно тем же данным, Москва пока еще перетягивает мигрантов у Московской области: за 2011–2018 гг. миграционный прирост Москвы в обмене с областью составил 36.6 тыс. человек, хотя внутри этого периода были годы, когда область перетягивала население у Москвы. Однако исследования с использованием данных мобильных операторов показали, что население Москвы завышено, а Московской области, напротив, занижено, за счет неучтенной миграции в пользу области и "двудомности" многих москвичей [25]. И, конечно, считать всю территорию Московской и Ленинградской областей пригородами крупнейших российских городов не представляется верным. Вполне возможно, что переток в ближайшие к ним территории характеризуется иными параметрами.

Прямо экстраполировать результаты расчетов по 38 регионам на Россию в целом не вполне корректно, но полагаем, что не будет ошибкой оценить масштабы перетока населения из региональных столиц в их пригороды в размере 40–45 тыс. человек ежегодно. Это примерно соответствует миграционному приросту за счет внутрироссийской миграции населения Санкт-Петербурга (47 тыс. человек в 2017 г.) и в 1.5 раза больше соответствующего показателя Краснодарского края (28 тыс. в 2017 г.). Обмен с региональными столицами обеспечивает около 60% миграционного прироста населения их пригородов за счет внутрирегиональной миграции, остальное добавляет приток с периферии. Приведенные цифры очень усредненные: по данным исследований в Республике Бурятии, пригороды растут в основном за счет притока сельских жителей из районов республики [3]; в соседней Иркутской области, напротив, увеличение пригородов происходит в основном за счет переселения в них жителей Иркутска [9].

Внутрирегиональная миграция на периферии регионов

Известно, что внутрирегиональная периферия также внутренне неоднородна, отток населения наиболее силен из наиболее удаленных от региональных столиц территорий [24]. Одновременно в некоторых регионах на периферии возникают субцентры, стягивающие население из близлежайших МО. Чаще всего эти субцентры представлены большими (с населением свыше 100 тыс. человек) или средними (от 50 до 100 тыс.) городами (табл. 5).

Анализ показал, что лишь немногие субцентры[8], даже представленные большими городами, имели миграционный прирост населения во внутрироссийской миграции, но их миграционная убыль прежде всего связана с оттоком населения в другие регионы страны. Только ГО Сочи имел значительный миграционный прирост населения в миграции с другими регионами страны.

Неполный перечень регионов, по которым у нас есть статистические данные (напомним, в статье

[8] В качестве субцентров рассматривались нестоличные "вторые" города с численностью населения более 100 тыс. человек, не входящие в состав агломерации региональной столицы.

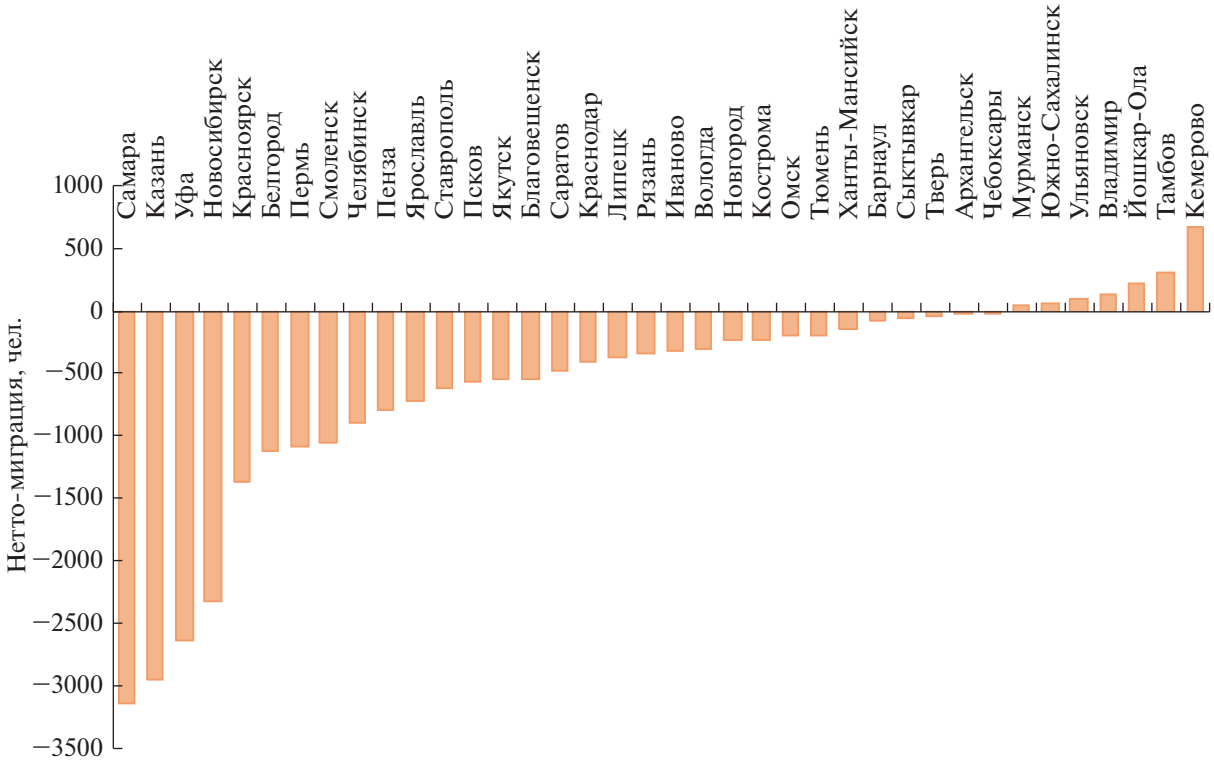

Рис. 3. Нетто-миграция населения региональных столиц со своими пригородами, 2017 г., человек.

рассматривается 41 регион), не позволяет делать количественных оценок относительно числа (доли) регионов, имеющих субцентры и давать их иные спецификации. Поэтому их роль во внутрирегиональной миграции мы рассмотрим на примерах Белгородской и Кемеровской областей.

Для каждой из этих областей на основе разницы нетто-миграции МО области с ее региональ-

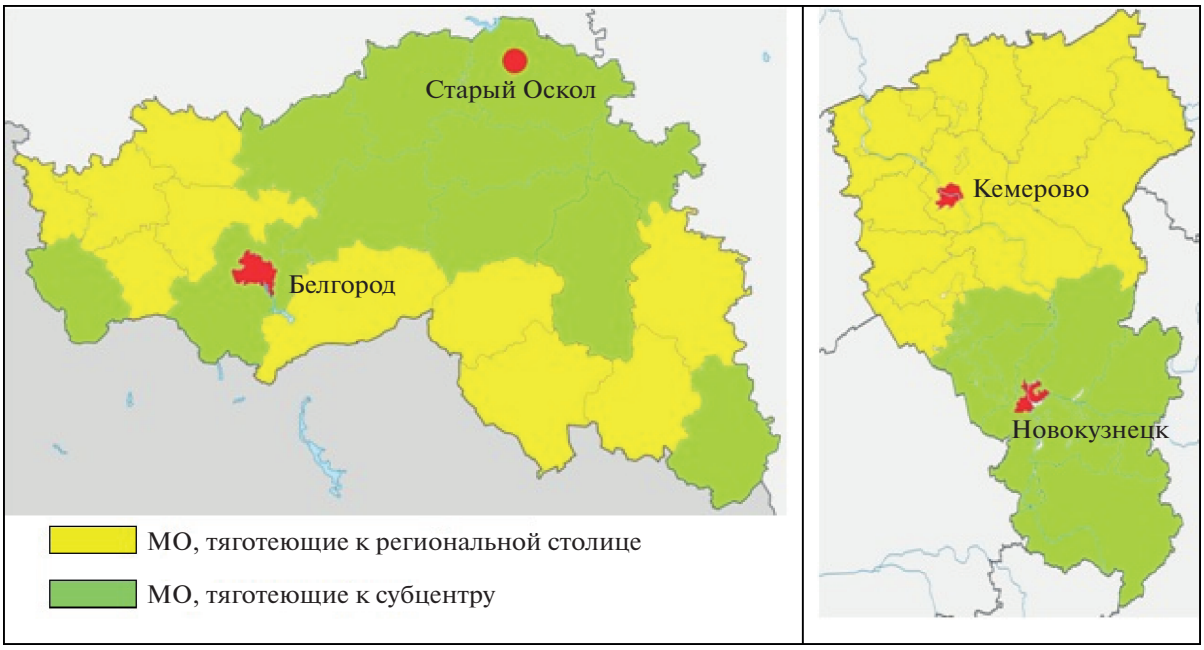

Рис. 4. Разделение зон тяготения во внутрирегиональной миграции между региональным центром и субцентром: пример Белгородской и Кемеровской областей, 2017 г.

Таблица 5. Составляющие нетто-миграции населения субцентров во внутрироссийской миграции, 2017 г., человек

Городской округ (муниципальный район)	Всего	в том числе за счет миграции:				
		с другими регионами России	внутри-региональной	из нее миграция:		
				с региональной столицей	с пригородами региональной столицы	с остальными МО
Новокузнецк	–274	–2088	1814	48	19	1747
Набережные Челны	–142	–430	288	–676	–192	1156
Сочи	10729	9549	1180	49	–7	1138
Магнитогорск	–1351	–1619	268	–179	–23	470
Сургут	189	–908	1097	46	–16	1067
Череповец	–557	–933	376	78	28	270
Стерлитамак	–842	–941	99	–483	–25	607
Старый Оскол	–82	–310	228	37	–22	213
Балаковский МР (г. Балаково)	–1064	–1252	188	–79	–13	280
Бийск	–173	–657	484	–55	–2	541
Рыбинск	–88	–218	130	–170	–42	342
Северодвинск	–746	–1479	733	34	35	664
Сызрань	–957	–706	–251	–90	–41	–120
Пятигорск	–1094	–980	–114	–34	–5	–75
Березники	–1360	–643	–717	–579	–88	–50
Ковров	–236	–383	147	–104	24	227
Новомосковск	–687	–673	–14	–103	...	89
Обнинск	862	363	499	54	...	445
Новый Уренгой	114	–27	141	1	...	140
Димитровград	–459	–705	246	–68	2	312
Итого, субцентры	1782	–5040	6822	–2273	–368	9463

ным центром и субцентром мы выделили территории, тяготеющие в большей мере к первому или второму (рис. 4). Несмотря на то, что разница может составлять всего несколько человек, видно, что субцентр области практически на равных делит территорию региона с его столицей. Из рассматриваемых нами регионов подобные примеры наличия значительных зон миграционного влияния у субцентра можно найти в Вологодской (Череповец), Челябинской (Магнитогорск) областях, Республике Татарстан (Набережные Челны). Собственные зоны тяготения имеют крупные и средние города Республики Башкортостан[9]. В то же время не в каждом регионе есть субцентры, способные быть аттрактивными даже для населения рядом расположенной периферии; с точки зрения системы расселения главные причины этого – малые размеры городов-субцентров, большой вес региональных центров, близкое расположение региональных центров и субцентров относительно друг друга [16].

Кейсы курортных регионов

Интересным представляется случай Краснодарского края: здесь быстро растущая региональная столица является не только не единственным, но и не самым сильным центром миграционного притяжения. Городские округа черноморского побережья (Анапа, Новороссийск, Геленджик, Сочи) и Туапсинский муниципальный район, формирующие самую мощную курортную зону России, с суммарным населением почти 1.3 млн человек (на 01.01.2017 г.), по масштабам миграционного прироста не уступали Краснодару и его пригороду с числом жителей 1.1 млн человек. При этом суммарный приморский миллионник слабее стягивал население из других МО края и немного терял в миграции с Краснодаром и его пригородами, но существенно превосходил их по притоку межре-

[9] Зоны притяжения. Башкортостан. https://statistic-rus.livejournal.com/3459.html

Таблица 6. Нетто-миграция населения Краснодарского края во внутрироссийской миграции, по типам территорий, 2017 г., тыс. человек

Категория	Краснодарский край, всего	г. Краснодар и Динской район (пригородный)	ГО Анапа, Новороссийск, Геленджик, Сочи, Туапсинский МР (приморские МО)	Другие МО
Вся миграция в пределах России	28.6	12.9	13.7	2.0
Межрегиональная	28.6	8.5	12.7	7.4
Внутрирегиональная, всего	0.0	4.4	1.0	–5.4
Краснодар и Динской район (пригородный)	–4.4	0.0	–0.4	–4.0
Анапа, Новороссийск, Геленджик, Туапсинский МР, Сочи (приморские МО)	–1.0	0.4	0.0	–1.4
Другие МО	5.4	4.0	1.4	0.0

Источник: данные, предоставленные Краснодарстатом.

гиональных мигрантов (табл. 6). Таким образом, предпочтения внутрирегиональных мигрантов, по сути, поделены между Краснодаром и приморскими МО, для межрегиональных мигрантов приморское положение оказывалось более значимым, чем институциональные выгоды региональной столицы.

Другая крупнейшая курортная территория – район Кавказских Минеральных Вод в Ставропольском крае с населением 0.5 млн человек, напротив, теряет много населения и в межрегиональной миграции, и в обмене с региональной столицей. Небольшой миграционный прирост в обмене с другими МО края практически не восполняет выезд в другие регионы страны. Таким образом, сравнение между собой двух курортных зон явно демонстрирует значимость не столько курортного функционала, сколько приморского положения и огромного притока инвестиций, в том числе в жилищное строительство, наблюдающегося в последние годы в Краснодарском крае.

ВЫВОДЫ

В течение долгого времени внутрирегиональная миграция в России являлась основой процесса концентрации населения в крупнейших городах, движущей силой урбанизации. Этот процесс продолжается, но во многих регионах России резервы этого переселения сильно истощены, прежде всего в результате длительного оттока населения, депопуляции и старения в сельской местности.

Миграция в региональные столицы и их пригороды, а также в обратном направлении является по масштабам наиболее заметной, но она не больше, чем их вес в населении регионов. Центростремительность внутрирегиональной миграции, приток населения в столицы и их пригороды несомненны, но в ряде регионов можно выделить конкурирующие центры притяжения населения, не сильно уступающие столицам. Естественно, на роль таких центров могут претендовать только крупные города, сопоставимые по численности населения со своими столицами и находящиеся на значительном от них удалении. Кроме того, имеющийся демографический потенциал таков, что на много субцентров в одном регионе его не хватает. Поэтому, например, в Алтайском крае центр, конкурирующий за мигрантов с Барнаулом, выделить сложно: Бийску, Рубцовску и Новоалтайску вероятных мигрантов не хватает.

Наиболее привлекательны для внутрирегиональных мигрантов не столько столицы регионов, сколько их пригороды. Кроме того, в них идет устойчивый переток населения из региональных столиц. На основании проанализированных данных мы не можем сделать вывод о том, что в России, наконец, получает развитие процесс субурбанизации (для этого данных о направлении переселений недостаточно), но уже видно, что миграция ведет к концентрации населения в пределах не только ядра агломерации, но и агломерационной зоны.

Пригороды как центр притяжения населения в России сравнялись по силе с крупнейшими центрами аттрактивности. Конечно, это центр размытый, условный и ни в коем случае не самостоятельный: стягивание населения в пригороды способствует формированию кумулятивных центров притяжения населения. В этой связи было бы правильнее говорить о миграционной привлекательности не регионального центра (города, городского округа), а всей формируемой им агломерации, но последние не выделены административно и крайне сложны как объект изучения.

Ограниченный выбор регионов для анализа и не вполне равномерное их распределение по огромной территории страны (см. рис. 1) не позволяет нам сделать вывод о влиянии дихотомии север–юг и запад–восток на внутрирегиональ-

ную миграцию. Размер регионального центра и характер региональной системы расселения являются в этих условиях определяющими.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”.

FUNDING

This work is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев А.И., Данилова И.А., Зубаревич Н.В., Никулин Е.И.* Современные переселения “город–село” в Нечерноземной зоне РСФСР (опыт изучения на примере Вологодской области) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 1979. № 1. С. 55–61.
2. *Алексеев А.И., Карачурина Л.Б.* Вынужденные мигранты и территориальные общности в России // Народонаселение: современное состояние и перспективы развития научного знания: Сб. докладов. Центр по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ. М., 1997. С. 50–56.
3. *Бреславский А.С.* Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / науч. ред. М.Н. Балдано. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 192 с.
4. *Бритвина И.Б., Киблицкая М.В.* Жизнь мигрантки в моногороде. М.: Книгодел, 2004. 371 с.
5. *Верещагин И.Ф.* Долговременные факторы внутрирегиональной миграции на территории Архангельской области в XX в. // Вестн. Северного (Арктического) фед. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 5–14.
6. *Гайнанов Д.А., Уляева А.Г.* Внутрирегиональная миграция как фактор усиления агломерационных процессов // Научное обозрение. Экономические науки. 2017. № 5. С. 5–13.
7. *Глезер О.Б.* Система местного самоуправления как составная часть институциональной среды расселения в современной России // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география. М.: ИД “Кодекс”, 2013. С. 224–244.
8. *Глезер О.Б.* Непрекращающаяся муниципальная реформа в России и новации 2014–2015 гг. // Россия 2016: Ежегодный доклад Франко-российского аналитического центра Обсерво / под рук. А. Дюбьена. М.: Обсерво, 2016. С. 373–386.
9. *Григоричев К.В.* Субрегиональные миграции и формирование пригорода сибирского города // Мир большого Алтая. 2017. № 1. С. 31–42.
10. *Гунько М.С., Глезер О.Б.* Малые районные центры и окружающие территории в Центральной России в 1970–2010 гг.: динамика и распределение населения // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015. № 1. С. 64–76. https://doi.org/10.15356/0373-2444-2015-1-64-76
11. Доклад о развитии человека 2009: Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. М.: Весь мир, 2009. 232 с.
12. *Егоров Д.О., Николаев Р.С.* Роль миграции в усилении поляризации расселения Республики Татарстан // Региональные исследования. 2019. № 1. С. 86–98. https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-1-8
13. *Зайончковская Ж.А.* Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука, 1991. 132 с.
14. *Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В.* Миграция в России. Правовая практика. М.: Центр миграционных исследований, 2007. 84 с.
15. *Игудина А.И., Иоффе Г.В.* Сдвиги в размещении сельского населения Нечерноземной зоны РСФСР // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1985. № 5. С. 67–80.
16. *Карачурина Л.Б.* Динамика населения центров и вторых городов регионов в России: проявляются ли тенденции к полицентризму? // Изв. РАН. Сер. геогр. 2018. № 4. С. 7–21.
17. *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 4. С. 47–65. https://doi.org/10.17323/demreview.v3i4.3205
18. *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Внутренняя долговременная миграция в России и других странах // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2017. № 2. С. 74–80.
19. *Карышев Н.А.* К изучению наших отхожих промыслов // Русское богатство. 1896. № 7. С. 1–24.
20. *Корель Л.В.* Основные этапы развития миграционного обмена между городом и селом // Современные проблемы миграции / ред. Л.Л. Рыбаковский. М.: Мысль, 1985. С. 101–110.
21. *Кретова О.Г., Попкова Л.И.* Территориальная дифференциация миграционной подвижности населения Курской области // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Сер. География. Геоэкология. 2014. № 2. С. 8–16.
22. *Кузнецова С.А.* Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2013. № 4. С. 34–45.
23. *Куричев Н.К., Куричева Е.К.* Взаимосвязь жилищного строительства в Московской агломерации и миграции в столичный регион // Изв. РАН. Сер. геогр. 2018. № 1. С. 57–71.
24. *Куричева Е.К., Попов А.А.* Развитие жилищного строительства в 2010-е гг. как фактор трансформации Московской агломерации // Региональные исследования. 2015. № 1. С. 104–116.
25. *Махрова А.Г., Бабкин Р.А.* Анализ пульсаций системы расселения Московской агломерации с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. 2018. № 2. С. 68–78.
26. *Махрова А.Г., Кириллов П.Л.* Сезонная пульсация расселения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 117–125.
27. Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.

28. Миграция сельского населения / под ред. Т.И. Заславской. М.: Мысль, 1970. 348 с.
29. *Мкртчян Н.В.* Миграционный баланс российских городов: к вопросу о влиянии размера и положения в системе центро-периферийных отношений // Научные труды ИНП РАН / гл. ред. А.Г. Коровкин. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 416–430.
30. *Мкртчян Н.В.* Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX – начале XXI века // Изв. РАН. Сер. геогр. 2013. № 6. С. 19–32.
31. *Мкртчян Н.В.* Миграция в сельской местности России: территориальные различия // Население и экономика. 2019. № 3. С. 39–51. https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34780
32. *Мкртчян Н.В.* Пристоличные территории России: динамика населения и миграционный баланс // Что мы знаем о современных российских пригородах? / отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 26–36.
33. *Мкртчян Н.В.* Региональные столицы России и их пригороды: особенности миграционного баланса // Изв. РАН. Сер. геогр. 2018. № 6. С. 26–38.
34. *Мотрич Е.Л., Молодковец Л.А.* Хабаровский край в миграционном поле Дальнего Востока России // Вопросы статистики. 2017. № 5. С. 60–68.
35. *Переведенцев В.И.* Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. 231 с.
36. *Самошкина И.С.* Территориальная идентичность как социально-психологический феномен // Вопросы психологии. 2008. № 4. С. 99–107.
37. *Сергиенко А.М., Иванова О.А.* Миграция сельской молодежи как индикатор благополучия села // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 8 (2) / отв. ред. О.Н. Колесникова, Е.А. Попов. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2016. Ч. 2. С. 21–26.
38. *Сукнёва С.А.* Тенденции миграционной динамики в Республике Саха (Якутия) // Вестн. Северо-Восточного фед. ун-та им. М.К. Аммосова. Серия Экономика. Социология. Культурология. 2017. № 1. С. 31–40.
39. *Сукнёва С.А., Трубина А.В.* Внутрирегиональная сельско-городская миграция в Республике Саха (Якутия) // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 32. С. 139–144.
40. *Тарасова Е.В.* Миграционные связи муниципальных образований Алтайского края // Мир Большого Алтая. 2018. Т. 4. № 4. С. 576–590.
41. *Фомкина А.А.* Трансформация местных систем расселения слабоурбанизированных территорий Центральной России (на примере Тверской области): Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2016. 26 с.
42. *Фукс Л.П.* Урбанизация и деревня // Вопросы географии. Сб. 132: Современное село: пути развития / ред. В.С. Беленький, Б.С. Хорев. М.: Мысль, 1988. С. 92–102.
43. *Шелудков А.В., Орлов М.А.* Топология сети населенных пунктов как фактор динамики сельского расселения (на примере Тюменской области) // Изв. РАН. Сер. геогр. 2019. № 4. С. 46–62. https://doi.org/10.31857/S2587-55662019446-62
44. *Эльдяева Н.А, Кованова Е.С.* Оценка влияния внутренней трудовой миграции населения на социально-экономическое развитие региона // Экономика, статистика и информатика. Вестн. УМО. 2015. № 6. С. 106–111.
45. *Geist C., McManus P.* Geographical mobility over the life course: motivations and implications // Population, space and place. 2008. № 14. P. 283–303. https://doi.org/10.1002/psp.508
46. *Gibbs J.* The evolution of population concentration // Economic Geography. 1963. № 2. P. 119–129.
47. *Ioffe G., Zayonchkovskaya Zh.* Spatial shifts in the population of Moscow region // Eurasian Geography and Economics. 2011. № 52 (4). P. 543–566. https://doi.org/10.2747/1539-7216.52.4.543
48. *Kalogirou S.* Examining and presenting trends of internal migration flows within England and Wales // Population, Space and Place. 2005. № 11. P. 283–297. https://doi.org/10.1002/psp.376
49. *Millington J.* Migration and age: the effect of age on sensitivity to migration stimuli // Reg. Studies. 2000. № 34 (6). P. 521–533. https://doi.org/10.1080/00343400050085648
50. *Ravenstein E.G.* The laws of migration // J. Statistical Soc. 1885. № 48. P. 167–227.
51. *Tajfel H.* Intergroup behavior // Introducing social psychology / Tajfel H., Fraser C. (Eds.). NY: Penguin Books, 1978. P. 401–466.
52. Urbanization and Counterurbanization / Berry B.J.L. (Ed.). Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1976.
53. *Venhorst V., Van Dijk J., Van Wissen L.* An analysis of trends in spatial mobility of Dutch graduates // Spatial Economic Analysis. 2011. № 6. P. 57–82. https://doi.org/10.1080/17421772.2010.540033

Intraregional Population Migration in Russia: Suburbs Outperform Capitals

L. B. Karachurina[1, *] and N. V. Mkrtchyan[1]

[1]*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

**e-mail: lkarachurina@hse.ru*

Intraregional migration in modern Russia plays a crucial role in the implementation of people's life plans. It also contributes to spatial configuration changes. Every second registered resettlement within Russia occurs within the borders of the regions. However, nothing is known about intraregional migration, except for its total volume and role in changing the population of individual municipalities. The statistical information collected by the authors on long-term intraregional migration for 1265 municipalities in 39 regions of Russia (51.4% of the country's population) for 2017 made it possible to generate arrival, departure, and net migration matrices for each region. This made it possible to analyze the intraregional migration flows and intraregional redistribution of the population between regional centers, suburban municipalities, and regional periphery. The analysis revealed that the population movement between regional centers, their suburbs and other mu-

nicipalities in all intraregional migration approximately corresponds to their share in the population. All types of municipalities are equally involved in migration. There is an intensive migration exchange between regional centers and their suburbs. Regional centers are not only inferior to the suburbs in terms of the intensity of migration growth: 80% of regional centers lose their population in the migration exchange with their own suburbs. In general, the redistribution of the population within the framework of intraregional migration in almost all the studied regions contributes to an increase in the concentration of the population in the agglomeration zone formed by regional centers and their suburbs. In some regions, there is another "zone" of population concentration, as a rule, much smaller: the sub-centers represented by large cities located at a considerable distance from regional centers. They form their own zones of positive net migration with the nearest peripheral municipalities. In most cases, this migration allows sub-centers to only compensate for the migration outflow to other regions of the country or to their own regional centers.

Keywords: rural-urban migration, periphery, regional centers, suburbs, directions of migration, metropolitan areas, municipalities

REFERENCES

1. Alekseev A.I., Danilova I.A., Zubarevich N.V., Nikulin E.I. Present city-to-village migration in the Non-Chernozem zone of the RSFSR (the experience of the study on the example of the Vologda oblast). *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 1979, no. 1, pp. 55–61. (In Russ.).
2. Alekseev A.I., Karachurina L.B. Forced migrants and territorial communities in Russia. In *Narodonaselenie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya nauchnogo znaniya* [Population: Current Status and Prospects for the Development of Scientific Knowledge]. Moscow: Tsentr izuch. probl. narodonaseleniya ekon. fakul'teta Mosk. Gos. Univ., 1997, pp. 50–56. (In Russ.).
3. Breslavskii A.S. *Nezaplanirovannye prigorody: sel'sko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Ude v postsovetskii period* [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the post-Soviet Period]. Baldano M.N., Ed. Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 2014. 192 p.
4. Britvina I., Kiblitskaya M. *Zhizn' migrantki v monogorode* [Life of a Migrant in a Single-Industry Town]. Moscow: Knigodel Publ., 2004. 371 p.
5. Vereshchagin I.F. Long-term factors of intra-regional migration within the Arkhangelsk oblast in the 20th century. *Vestn. Sever. (Arkt.) Fed. Univ., Ser. Gumanitarnye i Sotsial'nye Nauki*, 2015, no. 1, pp. 5–14. (In Russ.).
6. Gainanov D.A., Ulyaeva A.G. Intraregional migration as a factor of strengthening agglomeration processes. *Nauchn. Obozr. Ekonom. Nauki*, 2017, no. 5, pp. 5–13. (In Russ.).
7. Glezer O.B. The local self-government system as an integral part of the institutional environment of the settlement pattern in present Russia. In *Voprosy geografii* [Problems of Geography]. Vol. 135: *Geografiya naseleniya i sotsial'naya geografiya* [Economic and Social Geography]. Moscow: Kodeks Publ., 2013, pp. 224–244. (In Russ.).
8. Glezer O.B. Ongoing municipal reform in Russia and novations of 2014–2015. In *Rossiya 2016: Ezhegodnyi doklad Franko-rossiiskogo analiticheskogo tsentra Observo* [Russia 2016: Annual Report of the Franco-Russian Analytical Center Observo]. Dubien A., Ed. Moscow: Observo, 2016, pp. 373–386. (In Russ.).
9. Grigorichev K.V. Subregional migrations and forming suburbs of Siberian city. *Mir Bol'shogo Altaya*, 2017, no. 1, pp. 31–42. (In Russ.).
10. Gunko M.S. Glezer O.B. Small district centers and the surrounding areas in Central Russia (1970-2010): Dynamics and distribution of population. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2015, no. 1, pp. 64–76. (In Russ.). doi 10.15356/0373-2444-2015-1-64-76
11. *Doklad o razvitii cheloveka 2009: Preodolenie bar'erov: chelovecheskaya mobil'nost' i razvitie* [Human Development Report 2009: Overcoming Barriers: Human Mobility and Development]. Moscow: Ves' Mir Publ., 2009. 232 p.
12. Egorov D., Nikolaev R. The role of migrations in the polarization of settlement pattern in the Republic of Tatarstan. *Reg. Issled.*, 2019, no. 1, pp. 86–98. (In Russ.). doi 10.5922/1994-5280-2019-1-8
13. Zayonchkovskaya Zh.A. *Demograficheskaya situatsiya i rasselenie* [Demographic Situation and Settlement Pattern]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 132 p.
14. Zayonchkovskaya Zh.A., Mkrtchyan N.V. *Migratsiya v Rossii. Pravovaya praktika* [Migration in Russia. Legal Practice]. Moscow: Tsentr Migratsionnykh Issled., 2007. 84 p.
15. Igudina A.I., Ioffe G.V. Shifts in the distribution of the rural population of the Non-Chernozem zone of the RSFSR. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 1985, no. 5, pp. 67–80. (In Russ.).
16. Karachurina L.B. Population dynamics of centers and secondary cities of Russia's regions: Trends towards polycentricity? *Reg. Res. Russ.*, 2018, vol. 8, no. 4, pp. 308–321. doi 10.1134/S2079970518040032
17. Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. Interregional migration in Russia: Age characteristics. *Demogr. Obozr.*, 2016, no. 3(4), pp. 47–65. (In Russ.). doi 10.17323/demreview.v3i4.3205
18. Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. Long-term internal migration of population in Russia and other countries. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2017, no. 2, pp. 74–80. (In Russ.).
19. Karyshev N.A. To the study of our seasonal labor migration. *Russkoe Bogatstvo*, 1896, no. 7, pp. 1–24. (In Russ.).
20. Korel' L.V. The main stages of the development of migration exchange between city and village. In: *Sovremennye problemy migratsii* [Modern Problems of Migration]. Rybakovskii L.L., Ed. Moscow: Mysl' Publ., 1985, pp. 101–110. (In Russ.).
21. Kretova O.G., Popkova L.I. Territorial differences in human mobility in the Kursk oblast. *Vestn. Voronezh. Gos. Univ., Ser. Geogr. Geoekol.*, 2014, no. 2, pp. 8–16. (In Russ.).

22. Kuznetsova S.A. Migration attitudes as the subject of social psychological research. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshhestvo*, 2013, no. 4, pp. 34–46. (In Russ.).
23. Kurichev N.K., Kuricheva E.K. Relationship of housing construction in the Moscow urban agglomeration and migration to the metropolitan area. *Reg. Res. Russ.,* 2018, vol. 8, no. 1, pp. 1–15. doi 10.1134/S2079970518010069
24. Kuricheva E.K., Popov A.A. Housing construction dynamics in the 2010s as a factor of transformation of the Moscow agglomeration. *Reg. Res. Russ.*, 2016, vol. 6, pp. 9–20. doi 10.1134/S207997051601007X
25. Makhrova A.G., Babkin R.A. Analysis of Moscow agglomeration settlement system pulsations based on mobile operators data. *Reg. Issled.*, 2018, no. 2, pp. 68–78. (In Russ.).
26. Makhrova A.G., Kirillov P.L. Seasonal pulsation of settlement pattern in the Moscow agglomeration under the influence of dacha and work commuting: Approaches to studies and assessment. *Reg. Res. Russ.*, 2016, vol. 6, pp. 1–8. doi 10.1134/S2079970516010081
27. *Mezhdu domom i ... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii* [Between Home and... Home. Return Spatial Mobility of the Population of Russia]. Nefedova T.G., Averkieva K.V., Makhrova A.G., Eds. Moscow: Novyi Khronograph Publ., 2016. 504 p.
28. *Migratsiya sel'skogo naseleniya* [Migration of the Rural Population]. Zaslavskaya T.I., Ed. Moscow: Mysl' Publ., 1970. 348 p.
29. Mkrtchyan N.V. Migration balance of Russian cities: On the role of population size and position in the system of central-peripheral relations. In *Nauchnye trudy INP RAN* [Research Works of the Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences]. Korovkin A.G., Ed. Moscow: MAKS Press, 2011, pp. 416–430. (In Russ.).
30. Mkrtchyan N.V. Migration of young people to regional centers of Russia at the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries. *Reg. Res. Russ.*, 2013, vol. 3, pp. 335–347. doi 10.1134/S2079970513040096
31. Mkrtchyan N.V. Migration in rural areas of Russia: territorial differences. *Naselenie i Ekonomika*, 2019, no. 3(1), pp. 39–51. (In Russ.). doi 10.3897/popecon.3.e34780
32. Mkrtchyan N.V. Suburban areas of Russia: Population dynamics and migration balance. In *Chto my znaem o sovremennykh rossiiskikh prigorodakh?* [Who do We Know about Contemporary Russian Suburbs?]. Breslavskii A.S., Ed. Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 2017, pp. 26–36. (In Russ.).
33. Mkrtchyan N.V. Regional capitals of Russia and their suburbs: Specifics of the migration balance. *Reg. Res. Russ.*, 2019, vol. 9, pp. 12–22. doi 10.1134/S2079970519010076
34. Motrich E.L. Molodkovets L.A. The place of the Khabarovsk krai in the Russian Far East's migration processes. *Vopr. Statistiki*, 2017, no. 5, pp. 60–68. (In Russ.).
35. Perevedentsev V.I. *Metody izucheniya migratsii naseleniya* [Methods of Studying Population Migration]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 231 p.
36. Samoshkina I. Territorial identity as a social-psychological phenomenon. *Vopr. Psikhologii*, 2008, no. 4, pp. 99–107. (In Russ.).
37. Sergienko A.M., Ivanova O.A. Migration of rural youth as an indicator of rural well-being. In *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo* [Sociology in the Modern World: Science, Education, Creativity]. Kolesnikova O.N., Popov E.A. Eds., Barnaul, 2016, vol. 8(2), pp. 21–26. (In Russ.).
38. Sukneva S. Migration trends in the Sakha Republic (Yakutia). *Vestn. Severo-Vostochn. Fed. Univ. im. M.K. Ammosova. Ser. Ekonomika. Sotsiologiya. Kul'turologiya*, 2017, no. 1, pp. 31–40. (In Russ.).
39. Sukneva S., Trubina A. Interregional rural-urban migration in the Sakha Republic (Yakutia). *Reg. Ekonomika: Teoriya i Praktika*, 2009, no. 32, pp. 139–144. (In Russ.).
40. Tarasova E.V. Migration links between municipal units of Altai krai. *Mir Bol'shogo Altaya*, 2018, vol. 4, no. 4, pp. 576–590. (In Russ.).
41. Fomkina A.A. Transformation of local settlement systems in low urbanized areas of Central Russia (on the example of Tver oblast). *Extended Abstract of Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation*. Moscow: Moscow State Univ., 2016. 26 p.
42. Fuks L.P. Urbanization and the countryside. In *Voprosy geografii. Sb. 132: Sovremennoe selo: puti razvitiya* [Problems of Geography. Vol. 132: Modern Village: Ways of Development]. Belen'kii V.S., Khorev B.S., Eds. Moscow: Mysl' Publ., 1988, pp. 92–102. (In Russ.).
43. Sheludkov A.V., Orlov M.A. Topology of a settlement network as a factor of rural population dynamics (a case study of Tyumen oblast). *Reg. Res. Russ.*, 2020, vol. 10, pp. 388–400. doi 10.1134/S2079970520030119
44. El'dyaeva N.A., Kovanova E.S. Assessment of internal labor migration impacts on regional socio-economic development. *Ekonomika, Statistika i Informatika. Vestn. UMO*, 2015, no. 6, pp. 106–111. (In Russ.).
45. Geist C., McManus P.A. Geographical mobility over the life course: Motivations and implications. *Population, Space and Place*, 2008, no. 14, pp. 283–303. doi 10.1002/psp.508
46. Gibbs J. The evolution of population concentration. *Econ. Geogr.*, 1963, vol. 39, no. 2, pp. 119–129.
47. Ioffe G., Zayonchkovskaya Zh. Spatial shifts in the population of Moscow region. *Eurasian Geogr. Econ.*, 2011, vol. 52, no. 4, pp. 543–566. doi 10.2747/1539-7216.52.4.543
48. Kalogirou S. Examining and presenting trends of internal migration flows within England and Wales. *Population, Space and Place*, 2005, vol. 11, no. 4, pp. 283–297. doi 10.1002/psp.376
49. Millington J. Migration and age: the effect of age on sensitivity to migration stimuli. *Regional Studies*, 2000, vol. 34, no. 6, pp. 521–533. doi 10.1080/00343400050085648
50. Ravenstein E.G. The laws of migration. *J. Statistical Society of London*, 1885, vol. 48, no. 2, pp. 167–235.
51. Tajfel H. Intergroup behavior. In *Introducing Social Psychology.* Tajfel H., Fraser C., Eds. N.Y.: Penguin Books, 1978, pp. 401–466.
52. *Urbanization and Counter-Urbanization*. Berry B.J.L., Ed. Beverly Hills, CA: Sage Publ., 1976. 329 p.
53. Venhorst V., Van Dijk J., Van Wissen L. An analysis of trends in spatial mobility of Dutch graduates. *Spat. Econ. Anal.*, 2011, vol. 6, no. 1, pp. 57–82. doi 10.1080/17421772.2010.540033